

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Жак Деррида: деконструкция действительности Часть 1

Глава 4. Современная философия

Модернизм и постмодернизм

Постмодернизм – отрицающий философию монизма, провозглашающий философию плюрализма, то есть множественность и разновидность идей в природе и обществе, процесс мысли, в котором нашли отражение содержание современной культуры, положение общества и новые стили мышления. Философия постмодернизма сложилась в целях сохранения и дальнейшего развития структуралистского, марксистского, фрейдистского и ницшеанского мировоззренческого потенциала. В этих целях были использованы и метод радикальной эклектики и метод обновления некогда забытого античного дискурса.

Постмодернизм – с латинского post – после, французского – moderne – новый, современный – современное философское направление, сложившееся первоначально в качестве теории искусства и литературы, как реакция на модернизм 60-70-х годов XX века. Модернизм также – течение в современной философии.

Модерн в широком значении показывает процесс эволюции в науке, религии и философии в Европе в XVII веке. В узком значении «модернизм» – художественно-литературное течение конца XIX – начала XX вв.

Вообще, слово постмодернизм впервые встречается в 1914 году в книге Рудольфа Панвица «Кризис европейской культуры». Постмодерном, в общем смысле называли коренной кризис культуры какого-либо периода. В точном значении он означает после модерна, современное время. Это течение, отрицая философию монизма, подвергло критике его взгляды на мир, истину, историю, знания, человека, а также на социо-культурные, моральные традиции и ценности. Вместо этого постмодернизм поддерживает идею множественности, разновидности в обществе.

Лиотар о постмодерне

Архитектор и теоретик искусства Чарльз Дженкс применил понятие постмодернизма в современной архитектуре. По его мнению, многообразие, или плюрализм настроения и стиля, характерное обществу, должно найти отражение в архитектурном облике. Позже это понятие перешло и в философию.

Термин «постмодерн» стал общеупотребимым после выхода в свет книги французского философа Жана-Франсуа Лиотара «Состояние постмодерна» (1979). По версии Лиотара в постмодернизме возможность разделения сказанных слова показывает зависимость выраженной мысли от этих слов. Выраженные слова показывают не процесс произношения, донесения мысли, а завершённую, донесённую до внешнего мира мысль. Слова, понятия, языковая объективность знаний выходят как «великие метаповествования», «метарассказ», «метанарратив». Созданные и систематизированные в соответствии с логикой метанарративы формируют наши понятия об истине, детерминируют и легитимируют наши знания. Эти наррации можно представить как понятие об идеологии Михаила Бахтина, связанное с социально-культурными причинами.

Лиотар дискуссию о постмодернизме распространяет и на философию. В качестве основной характеристики постмодернизма, он рассматривает лишенность современных метанарративов силы узаконивания. Великие «метаповествования» дают семантические границы нарративной практики любой культуры, следовательно, определяют дискурс того времени. Лиотар, говоря о том, что «постмодернизм начинается с Освенцима», показывает «Освенцим» как собирательный образ террора, используя его как слово-символ. Несоответствующие стороны бинарной оппозиции, составляющие основу западной мысли, он рассматривает, разделяя на противоположные позиции. При этом одни должны доминировать, а другие быть подвластными. Значит, Освенцим он использует, чтобы показать насколько опасно давление одного дискурса над другим.

В понимании Лиотара иметь разногласия и различные взгляды выигрышнее, чем всеобщее преклонение и принятие лишь одной позицией. Поэтому постмодернизм отрицает превосходство известной парадигмы и устанавливает принцип децентрализации.

В философии постмодернизм сформировался как понимание истощения возможностей онтологии. На Западе постмодернизм превратился в идеологию и спутника постиндустриального общества, пришедшего на смену индустриального. Ведущими представителями постмодерна являются такие мыслители, как Ролан Барт, Жорж Батай, Жан Бодрийяр, Жиль Делез, Жак Деррида, Феликс Гваттари, Жан-Франсуа Лиотар, Мишель Фуко. Исследователи прибавляют к этому списку также Иммануила Канта, Дэвида Юма, Серена Кьеркегора и Фридриха Ницше. С позиции постмодернистских взглядов установка модернизма, основанные на классических понятиях как объект и субъект, абсолютная и относительная истина, вера в роль науки, не выдержали проверку временем. Потому что наука и знание были бессильны перед природой и обществом и не смогли их определить.

В свое время интуитивизм Анри Бергсона, феноменология Эдмунда Гуссерля, психоанализ Зигмунда Фрейда, экзистенциализм Серена Кьеркегора, Карла Ясперса, Мартина Хайдеггера, Николая Бердяева, истолкованные как сострадание, считаются началом постмодернизма. Однако и эти дискурсы не смогли полностью объяснить индивидуальные особенности современной культуры. К слову, нет точного определения понятия «Новое время». Если примем во внимание слова Умберто Эко о том, что «у каждого периода культуры есть свой постмодерн», то увидим, что этот культурный феномен стал импульсом для присущего каждой эпохе критического мышления философского дискурса для того, чтобы по-новому понять проблему.

«Большая» и «малая» философия

Труд отечественного философа Бекета Галымжанулы Нуржанова «Модерн. Постмодерн. Культура» посвящен всестороннему анализу взаимоотношений модернизма и постмодернизмом, и философией. Ученый рассказывает, что, модернизм и постмодернизм пришли в науку как новаторство, пережившее прошлое и рассматривающее классическое как застой, как реакцию на стремление укрепить новое.

Это явление возникло не в период Ренессанса, в Средние века, как указано в учебниках XIX-XX вв.; оно берет начало с эпохи культурно-философской античности. Также Б. Г. Нуржанов описывает соответствие модернизма с классическим, постмодернизма – неклассическим искусством, наукой, культурой, философией. Поэтому философию можно рассматривать как «большую» и «малую» философию, подобно «большой» и «малой» литературе Жюль Делёза. Различия «большой» и «малой» философии он разъясняет на примере античной философии, ставшей широким полем для многообразных философских школ и направлений.

В классический период эпохи античности, школа Платона–Аристотеля достигла господствующего положения среди других. Философия Платона стала «большой» философией, а другим школам была отведена роль «малой философии». Многие исследователи дали точное определение об истории западной философии как истории платонизма. Разделение ценностей на «большую» и «малую» мы можем встретить и в других исторических эпохах. «Малая» философия есть распространенные в обществе, но не признанные теории и понятия, никогда не имевшие превосходящего положения в философии и культуре. Взгляды представителей этих школ современники считали непонятными, бессмысленными, порой оценивали как глупость и «безумство». К школам этой эпохи относятся мегарики, скептики, киники, софисты, стоики. Их взгляды подверглись критике со стороны «большой» философии, став «богатой пищей» для обсуждения, благодаря чему процветала «гениальность» большой философии.

По словам Бекета Нуржанова, к малой философии можно отнести школы древнекитайской философской традиции, точнее древнекитайские тексты, имеющие философское значение. В этих текстах, у слов в привычном значении нет ни идеи, ни целей и обязанностей, ни ясности повествования. Даже «диалоги», беседы учителя со своими учениками проходят в совершенно другом ключе, не относящемся ни логике, ни к диалектике. Такая особенность была присуща дошедшим до нас в отдельных фрагментах мыслям Гераклита и постсократическим школам: мегарикам, киникам из древнегреческой философии.

Отсюда следует вывод: постмодернизм возник намного раньше прошлого века. Исследователи видят его проекцию не только в считающихся малой философией, школах и учениях античности, но и в текстах Платона и Аристотеля, Канта и Гегеля, Спинозы и Юма, в текстах Адорно.

Например, доктор философских наук Грета Соловьева говорит: «Ж. Делёз ищет союзников постмодернизма не только среди стоиков и киников. Определивший себя как представитель высокой философии, Платон, не выдержав «постмодернистского соблазна», ввел понятие «симулякра». Его теория идей указывает на принципы репрезентации, очень важные для западного дискурса. Одна вещь всегда является отражением другой. Делёз замечает здесь относящуюся к миру симулякра догадку, какое-то предчувствие.

Философия и постмодернизм

Бекет Нуржанов пишет: «Постмодерн не отрицает философию полностью, он оценивает большую философию в качестве «бесосновного проекта». Большая философия – философия массового познания или «школьных учителей». Если никакой большой философии нет, тогда зачем делить на «большую» и «малую»? – замечает исследователь, – в этом разделении лежит отрицание универсальности, значимости философии. Малая философия всегда обладала многочисленными личностными качествами, она не всем понятна, именно поэтому она «малая». Это понимание совпадает со взглядами видного мыслителя мусульманского мира Ибн Баджи, который сказал: «Массовая культура не нуждается ни в каком философском соображении», главная проблема философии – отдельный человек, его судьба. Человек в трудные моменты жизни обращается к философии, прибегает к философским раздумьям...».

Вместе с тем, Бекет Нуржанов останавливается на том, что постмодерн и философия, в определенном значении понятия отрицающие друг друга. «Для появления постмодерна, – говорит он, – философия должна умереть, исчезнуть. Смерть философии, предсказанная многими философами XX века – одно из условий постмодерна. Постмодерн, со своей стороны, призывает пересмотреть обязанности и значение философии. Как и люди, которые после изобретения фотографии и кинематографа были вынуждены искать новый смысл своей жизни, так и философия, если она «хочет выжить» в условиях постмодерна, должна искать последние средства к существованию».

Таким образом, если в современной философии модернизм – это познание бытия каждого периода, соответствующее своему времени, самое передовое, самое новое мировоззрение, то постмодернизм – это отрицающая это новое, предлагающая вместо него новейший, отличный от традиционного понимания метод мировоззрения, путь философии, взгляд на мир, собственная форма познания. Несомненно, что и до Платона и Аристотеля и в их времена, были жившие рядом с ними, имена которых даже не упоминаются в науке и философии, не оставившие учебниках никаких фактов, исследовавшие тайны природы, великие мыслители и передовые ученые. Ясно, что на основе в бесед с ними, дискуссий, формировались великие личности, известные всему человечеству до сих пор. Но учения Платона и Аристотеля по сравнению с современниками, уже в то время предложили исключительно новые идеи.

Мыслители следующих, более поздних времен, в свою очередь, пытались придать философии и науке новый толчок, каждый раз определяя задачи философии, область исследований, рассматриваемые проблемы. И трансцендентально-критическая философия Канта, обобщая метафизику с идей Платона до XVIII века, стремилась решить погрязший в необъективности спор в проблеме познания, по-новому понять эстетическое познание, бытие творчества. Мыслитель, разделивший мир на познаваемый мир явлений и непознаваемый мир вещей, показавший ограниченность возможностей познания, предупредивший об односторонности и необъективности науки, открыл дорогу для будущих научных исканий и глубоких философских раздумий.

Жак Деррида и постмодернизм

Эта традиция нашла свое продолжение в 60-70-х годах XX века. В период расцвета науки и философии ее с новой силой продолжил французский философ Жак Деррида.

Как и немецкий философ Эрнст Кассирер, бравший культуру, а также, составляющие ее знания: науку, религию, экономику и др. как символы, так и по Дерриду «за пределами текста ничего нет». Это значит, что знания о человеке и окружающем его мире полностью заключены в языке. Видный представитель российского языкознания, философ и переводчик Наталья Автономова отмечает: «Для Деррида – сама эпоха это «текст», а ее исследование – прочтение этого текста».

Деррида при анализе литературных и философских текстов использует понятие «письма». По его мнению, никакая философия вместе с метафизикой не могут определить место письма в культуре, правильнее сказать, письмо определяет место метафизики и философии в культуре. Идея о науке и появление самой науки происходили в связи с развитием определенной традиции письма. Метод Деррида в осмысливании текстов в качестве деконструкции, подразумевался сначала в разделении текста на составные части, а затем в свободном собирании их. Другими словами, критико-философская позиция Дерриды – деконструкция.

Метод деконструкции не стремится удалить объект критики. Напротив, он способен расколов его на части, подробно изучив каждую часть, снова собрать, заново «оживить», придать новый облик.

Основные понятия деконструктивизма: «присутствие», «быть в наличии», «логоцентризм», «след», «различие», «письмо», «древнее письмо». Присутствие – способ существования всего, что существует, присутствие бытия. Логоцентризм – особенность западноевропейской культуры быть в наличии в соответствии с собой. «След» – нечто, показывающее «отсутствие», «небытие», но не являющееся им. «Различие» – показывающее присутствие, несоответствие «другому». Письмо – метод обозначающий логоцентризм. Учение деконструкции Дерриды – метод, основывающийся на критике рациональной культуры, полном ее изменении. Здесь, под традиционной западной культурой имеется в виду традиция метафизики и онтология, в особенности далекие основы западной мысли логоцентризма и фоноцентризма. Западная культура в основном рассматривает разум и волю, этику и личность с позиции дуализма. В результате ограничения и сдерживания человека логоцентризмом и фоноцентризмом, исчез причинно-активный, свободный, чувственный человек и вместо него появился человек нового типа, полный расистских идей и враждебности. Вышеназванный рационализм, преувеличивая преимущества разума личности, порождает высокомерие и эгоизм человека перед природой и обществом, усиливая расистские устремления в обществе. Западный расизм основывается на мнении, что «западная культура господствует над другими культурами». Благодаря этому она стремится исправить, вылечить, отмыть, уничтожить культуры, которые считает ниже себя. По этому поводу Деррида иронизировал: «У белой расы есть великолепная способность обелять».

Деррида предложил собственную программу деконструкции западной философии. Он значительно расширяет во времени критику западной философии. Если большинство постмодернистов связывают эту традицию с модернистским проектом Возрождения или Нового времени, то Деррида находит ее источник в Древней Греции. Он называет ее «логоцентризм», «фоноцентризм», «фаллоцентризм» и «онто-тео-телеоцентризм».

Деррида формирует начальную оппозицию своей грамматологии в оппозиции устное слово/ письмо. Эта начальная оппозиция определяет объем грамматологии. Но грамматология – это не просто новая позиция философии и истории философии, а так же как и у Делёза концепция, охватывающая общество, культуру, историю, язык и т. д. В западной культуре, как считает Деррида, слово/письмо рассматривается со следующих позиций: письмо всегда произведено последним и как второстепенное явление, отодвигается на задний план, устанавливается власть устной речи, звука, голоса. Письмо остается в стороне как пасынок. Власть голоса, звука над письмом Деррида называет фоноцентризмом западной культуры и метафизики. Грамматология – это новое учение о сторонящейся власти звука, не имеющая аналога в языке, нефонетическом письме.

Деррида начинает с анализа сути традиционной дистрибуции, то есть показывает распределение силы языка во время властвования голоса, звука. В таком разделении звук порождает смысл, звук открывает смысл, выговаривает устно. Так, в ряду аксиоматического базиса устанавливается близость звука и смысла. И этот базис определяет всю историю западной метафизики и лингвистики. Деррида говорит о том, что Аристотель сам установил близость звука и духа: звук – это прямая демонстрация форм духа. Близость духа и бытия, вещей и их влияния на дух объявляется в качестве природных связей. Голос особенно близко стоит к означаемому-значению-вещам. Голос очень близко подходит к бытию, значению бытия, цели смысла. Для того чтобы понять, как устроена традиционная дистрибуция, нужно поставить вопрос об очевидности непосредственной близости голоса и смысла. Когда соединяют голос и дух, мысль объединяют с прямым смыслом связи, тогда означающий будет зависеть от проблемы запоминания, закрепления сказанного. Понятие знака находит пристанище в фоноцентризме.

Деррида считает, что скрытой матрицей, определяющей всю западную философию, будет ряд «присутствия». История метонимий и метафор была историей метафизики, историей Запада. Матричная форма – это детерминация бытия во всех значениях. В этом термине Деррида схватывает три очень важных для философии момента: присутствие в качестве формы бытия – наличие, присутствие в виде формы языка – презенсная форма глагола и присутствие в форме времени – настоящее время глагола. Три момента неразлучно слиты в одной языковой форме. Эта форма отсылает одновременно к центрированности западной мысли на бытии как исходном условии этой мысли, к языку – как его фундаментальному измерению.

Деконструкция западной философии преследует цель распутать узел противоречивых запутанных метафизических понятий вокруг понятия присутствия. Раскрывая скрытую власть голоса в западной метафизике с помощью взаимоотношений голоса и смысла, Деррида вместе с тем, суть всей истории западной философии раскрывает как тайное желание обретения полного присутствия. Это движение в западной философии завершается обретением особой формы присутствия, называемой самосознание. Если сознание в общем виде есть просто присутствие, если еще сохранилась связь с трансцендентным «себе», с чем-то внешним, другим, тогда присутствие «себя» стирает из этого внешнего всякий след трансцендентного в имманентности сознания, всякую зависимость.

Нефонетическое письмо в качестве начала языка, условие его возникновения, Деррида называет архиписьмом. Архиписьмо – это не письменность, а тотальность, делающая возможным письмо. Более того оно делает возможным не только означающее, но и самоозначаемое, а также является основным условием возможности языка, речевой деятельности.

Через понятие архиписьма Деррида вводит в действие всю «тяжелую артиллерию» своей грамматики: понятие следа, различия-откладывания, дополнения-замещения, фармакон, хюбрис, безначального начала и др.

В этих понятиях в полной мере раскрывается одна из характерных черт дерриданского языка: его метафоричность. Это игра языка, игра языком, игра с языком. Сам язык – это прежде всего игра. Деррида играет с языком. Он не скрывает этого, а напротив, подчеркивает. Язык по своей сути всегда двусмыслен, игрив. Поэтому заключение языка в рамки каких-либо закономерностей является искусственным подчинением однозначности.

Проблема архиписьма – это прежде всего вопрос о начале письма, языка, общества, человека, мышления. В этой концепции начало предстает как самое простое, обычное, понятное, очевидное. Все начинается с начала, все завязано, запутано в начале. Эту мифологию он раскрывает следующим образом: это всегда необходимость; случайное, однократное событие как начало – это абсурд. Но события всегда однократны. Нет изначально всеобщих понятий. Для того, чтобы событие несло в себе эти всеобщие черты необходимости, нужно, чтобы последующие события подтвердили это первое как всеобщее, должен быть выстроен ряд событий, повторяющих и закрепляющих первое, ряд повторения. Лишь при этом условии первое событие приобретает статус всеобщей необходимости. Это первое событие приобретает всеобщий статус лишь во втором, третьем и т. д. повторении. То есть подлинным началом является не первое, а последующие события. Но сама мифология начала заключается в том,

что повторение вытесняет, стирает, забывает подлинное начало. Оно становится скрытой тайной о древнем обществе, о которой запрещено говорить. Это повторяется в поздних цивилизованных обществах и абсолютная мифология забывания прекрасно справляется со своей обязанностью. Здесь обращение к подлинному началу реализуется более эффективно, чем в примитивных обществах.

По Дерриде, таким вытесненным началом письма является архиписьмо. К сущности архиписьма можно приблизиться с помощью одного из важнейших понятий грамматики «концепции следа». Понятие следа является блестящим примером деконструкции метафизики и онтологии, устанавливающих господство бытия в западной культуре, в качестве ее начала, предельного основания. Деррида отмечает, что понятие следа имеет важнейшее значение для понимания сущего. Но его нужно осмыслить до бытия. Поскольку он артикулирует возможность всего поля сущего, которое метафизика определила, как сущее–присутствие. Движение следа всегда скрыто. В отличие от сущего, которое манифестирует себя как присутствие, след манифестируется как сокрытие, как неприсутствие. Он вне оппозиции – присутствие/отсутствие, бытие/ничто. Он конструирует саму эту оппозицию как ее начало. След присутствует отсутствуя, или отсутствует, присутствуя. Он не существует, но и не несуществует.

Вся эта диалектика следа, которая может показаться софистикой, становится понятной, когда откроется формула абсолютного господства бытия в западной метафизике. Это господство означает, что каждая вещь, явление, процесс должны прежде всего быть, существовать, быть в наличии, чтобы стать предметом мысли или воображения, фантазии. Бытие считается предельным основанием чего бы то ни было. Шире его и за его пределами ничего нет. Есть только Ничто, пишущееся с большой буквы. Но след Дерриды избегает власти бытия, показывая его ограниченность. Он никогда не является выражением себя. Он является выражением другого, следом чего он является. Он может существовать только как след другого.